

И.В. Пыхалов

ДОЛГ РУССКОГО ИСТОРИКА

Жизненный путь
и труды В.С. Брачева

Игорь Пыхалов

**Долг русского историка.
Жизненный путь и
труды В. С. Брачева**

«Астерион»

2012

УДК УДК 92(47) Брачев
ББК ББК 63.3(2)6-8

Пыхалов И. В.

Долг русского историка. Жизненный путь и труды В. С. Брачева /
И. В. Пыхалов — «Астерион», 2012

Книга посвящена научной биографии одного из современных русских историков – профессора Санкт-Петербургского университета Виктора Степановича Брачева. Данное издание не является научной монографией в классическом смысле этого слова, скорее попыткой в первом приближении осмыслить путь человека, тесно связанный с историей страны. В так называемых масонских штудиях В.С., львиную долю которых составляет многолетнее изучение им архивных данных ФСБ РФ, много внимание уделено истории интеллигентских окултно-мистических сообществ XX в. Но вот парадокс, именно эта сторона научной деятельности В.С. серьёзного внимания его оппонентов как раз и не привлекла и остаётся вследствие своей якобы «неактуальности» недооценённой. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся развитием исторической науки в России.

УДК УДК 92(47) Брачев
ББК ББК 63.3(2)6-8

© Пыхалов И. В., 2012
© Астерион, 2012

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Родители. Детство и юность. Псковский пединститут. Начало трудовой деятельности	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

И. В. Пыхалов

Долг русского историка. Жизненный путь и труды В.С. Брачева

Предисловие

Эта книга посвящена научной биографии одного из замечательнейших современных русских историков, профессора Санкт-Петербургского университета Виктора Степановича Брачева¹.

Конечно, талантливых историков у нас немало. Но вот историков ярких, с чётко выраженной гражданской позицией государственно-патриотического направления, среди них можно едва ли не пересчитать по пальцам одной руки. Так уж сложилось, что тон в нашей постперестроечной исторической науке уверенно задают историки либерального толка, представители либеральной историографии.

Постулировать и проводить свои государственно-патриотические взгляды в исторических исследованиях, отстаивать свою позицию, «плыть против течения» в этих условиях отваживаются немногие. *В.С.* принадлежит именно к их числу. Этим он, в первую очередь, нам и интересен. Но не только, ибо помимо этого *В.С.* ещё и крупный историк, научные труды которого пользуются заслуженным успехом у читателей, внесли и вносят немало нового в понимание ряда узловых проблем нашей истории и историографии.

Непростым оказался путь Виктора Степановича – выходца из глухой белорусской деревни в большую науку, хотя поначалу всё складывалось как нельзя лучше.

Вчерашний выпускник Псковского пединститута (1969 г.) без проблем поступает в заочную аспирантуру ЛГПИ им. А.И. Герцена. Его учителем становится проф. Р.Г. Скрынников, при поддержке которого *В.С.* вскоре оказывается не где-нибудь, а в самом центре тогдашней исторической науки в Ленинграде – Ленинградском отделении института истории Академии наук СССР. Научным руководителем его согласился стать сам патриарх ленинградских историков профессор С.Н. Валк. При недюжинных способностях *В.С.* и присущей ему природной старательности научная карьера его, казалось бы, была обеспечена.

И вдруг – неожиданный сбой. После окончания срока аспирантуры и смерти (5 февраля 1975 г.) проф. С.Н. Валка *В.С.* не только не оставляют в Ленинградском отделении института истории, но ещё и чинят непреодолимые для него, по тем временам, препятствия по защите уже готовой диссертации. Что-то, видимо, насторожило в нём тогдашних руководителей этого института.

В результате вчерашний аспирант-целевик элитного академического учреждения в одночасье оказывается в буквальном смысле этого слова на улице: без денег, жилья, прописки, работы и без всяких надежд на учёную карьеру. Вчерашние так называемые друзья и коллеги отворачиваются от него. Отказался от дальнейшей поддержки *В.С.* и проф. Р. Г. Скрынников. Чтобы не умереть с голоду и иметь возможность продолжать работу в ленинградских архивах и библиотеках, вспоминает *В.С.*, приходилось не брезговать никакой работой: выдавать учебники студентам в библиотеке Военно-механического института, водить экскурсии и даже подметать тротуары Невского проспекта (был и такой эпизод в его биографии).

---

¹ Следует отметить существенную роль в написании этой книги самого *В.С.*, щедро поделившегося с автором воспоминаниями о своей жизни и любезно согласившегося прокомментировать некоторые её эпизоды.

Будь на месте *В.С.* другой человек, почти наверняка он поставил бы жирный крест на своей диссертации и занялся бы чем-нибудь другим, более в житейском смысле, полезным. Но не таков характер *В.С.*: более 10 лет продолжал он неравную борьбу с мэтрами исторической науки в Ленинграде за своё право заниматься наукой и... победил.

Успешная защита в 1985 г. в возрасте 38 лет кандидатской диссертации позволила ему занять место ассистента в одном из ленинградских вузов (ЛГПИ им А.И. Герцена) и вплотную приступить к подготовке докторской диссертации о выдающемся русском историке академике С.Ф. Платонове.

Защита её (1996 г.) сразу же выдвинула *В.С.* в число ведущих историков России – убедительным свидетельством чего стало предложение ему в 1998 г. места профессора кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета. Статьи и рецензии *В.С.* охотно публикуют ведущие исторические журналы страны, крупнейшие издательства Москвы и Петербурга предлагают ему своё сотрудничество и он, можно сказать, целиком уходит в науку.

25 опубликованных книг за последние 15 лет (первая монография *В.С.* вышла в свет в 1995 г.) – таков итог научной деятельности *В.С.* на данное время. Даже если учесть, что большая часть из них – это переиздания, хотя и с дополнениями и изменениями, уже опубликованных им ранее текстов, а, собственно, самих монографий изданных им за этих годы, всего только 8: «Русский историк Сергей Фёдорович Платонов», часть 1–2 (1995), «Петербургская археографическая комиссия (1834–1929 гг.)» (1997 г.), «Мастера политического сыска дореволюционной России» (1998 г.), «Наша университетская школа русских историков» и её судьба (2001 г.), «Прошлое и настоящее русского масонства» (1731–2006 гг.), (2006 г.), «Тайные общества в СССР» (2006 г.), «Наш современник – проф. И.Я. Фроянов» (2010 г.), «А.Е. Пресняков и петербургская историческая школа» (2011 г.) – нельзя не признать, что и это – много. Таланту и творческому подъёму *В.С.* можно только позавидовать.

Поразительна и широта научных интересов учёного. Наряду с историографией (первое место здесь принадлежит получившей высокую оценку у специалистов (Н.М. Рогожин², А.Н. Шаханов³, Ю.Л. Дьяков⁴) ставшей уже классической его монографии «Русский историк С.Ф. Платонов» (СПб., 2005 г.), – это и история археографии в дореволюционной России, политический сыск, петербургская историческая школа, репрессии против историков конца 1920–1930 гг., история «чёрной сотни», студенческое движение, духовные искания русской интеллигенции XX века.

Особой популярностью среди трудов *В.С.* пользуются у читателей его книги по истории русского масонства и разного рода оккультно-мистических сообществ, хотя с однозначным отнесением их некоторыми исследователями темы к разряду «антимасонской литературы», при высокой в целом оценке научного достоинства («новое слово»)⁵, никак согласиться нельзя. Ведь критическое отношение к предмету исследования, будь то масоны, монархисты, анархисты, либералы или ещё кто, – норма научного исследования и путать его (критическое отношение) с мнимой гиперболизацией негативной роли масонского фактора в истории России начала XX в. в угоду неким выгодам политического или идеологического свойства, в чём иногда упрекают *В.С.* его либеральные оппоненты⁶, неправильно, хотя понять их неприятие вроде

---

² Рогожин Н.М. С.Ф. Платонов (1860–1933 гг.) // Историография истории России до 1917 г. Под ред. М.Ю. Лачаевой. Том 2. М., 2004. С. 258.

³ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX вв. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 272, 284.

⁴ Дьяков Ю.Л. Историческая наука и власть. Советский период. М., 2008. С. 96, 151.

⁵ Кондаков Ю.Е. Розенкрейцеры, мартинисты и «внутренние христиане» в России конца XVIII – первой четверти XIX в. СПб., 2011. С. 15.

⁶ Виттенберг Б.М. Между мистикой и политикой: российское масонство в начале XX века (обзор новых книг о русском масонстве). // Новое литературное обозрение. Теория и история литературы. Критика и библиография. М., 2004, № 70. С. 384.

бы можно, так как именно в масонах и кадетях начала XX в. они и видят своих духовных предтеч. В.С. же, насколько можно судить по его трудам, своими духовными предшественниками дореволюционных масонов, политических или ещё каких, не считал и не считает. Да и к нынешней масонствующей российской интеллигентской братии, подвизающейся на ниве исторической науки, относится прохладно. Но что из того?

Свои книги В.С. пишет без оглядки на то, понравится это кому-то или нет, руководствуясь исключительно соображениями науки. «Всегда старался, если можно так сказать, говорит в связи с этим сам В.С., «петь своим голосом», идти своей дорогой в науке. Конечно, я могу ошибаться, брать не ту ноту, даже фальшивить, но это всё же мой голос, моя песня, моё собственное видение проблемы. Именно этим, а не повторением чужих мнений или иначе говоря, чужих «задов» я хочу быть интересен другим, этим, собственно, я и живу на этом свете».

Впрочем, разработка истории политического масонства начала XX в. далеко не самая важная тема в так называемых масонских штудиях В.С., львиную долю которых составляет многолетнее изучение им, причём на основе архивных данных ФСБ РФ, истории интеллигентских окултно-мистических сообществ XX в. Но вот парадокс, именно эта сторона научной деятельности В.С. серьёзного внимания его оппонентов как раз и не привлекла и остаётся вследствие своей якобы «неактуальности» (в их глазах, разумеется) недооценённой.

Талант, помноженный на трудолюбие – вот слагаемые научного успеха В.С. Да ещё упрямство – черта характера, проявлявшаяся ещё в детские годы и, надо прямо сказать, немало повредившая В.С. «по жизни», но в данном случае, применительно к его научным разысканиям, явно пошедшая ему на пользу.

Как историк В.С. редко повторяет чужое. Стремление свернуть с изъезженной другими дороги в сторону и нащупать свою собственную тропинку, свой собственный путь, или подход к предмету исследования, составить своё собственное представление о теме, едва ли не основная черта его творческого почерка. Неудивительно поэтому, что все книги В.С. вызывали и вызывают огромный интерес у читателей. Да, с В.С. можно соглашаться или не соглашаться, с ним можно спорить, но пройти мимо его трудов едва ли возможно.

Конечно же, будущие историографы точнее определят феномен В.С. и его место в борьбе направлений в русской историографии первых десятилетий постсоветского периода. Наша же версия состоит в том, что обстоятельства и личной жизни В.С. 1970–1980 гг. и его жизни в науке сложились так, что своим, в кругу властителей умов представителей тогдашней советской исторической науки в Ленинграде, он так и не стал. И в учёные выбился скорее вопреки системе, благодаря своей упёртости и во многом случайному стечению обстоятельств, так и не пройдя соответствующей в таких случаях идеологической обработки либерального толка.

Этим, видимо, только и можно объяснить красной нитью проходящую практически через все труды В.С. и идущую из глубины его души патриотическую одушевлённость и глубокое национальное чувство – вещь, прямо надо сказать, крайне редкая среди петербургских историков.

Собственно, этим только и можно объяснить появление в 2005 г. замечательной книги В.С. «Опасная профессия – историк», одним из героев которой, наряду с академиками С.Ф. Платоновым и Е.В. Тарле, оказался и тогдашний декан исторического факультета Санкт-Петербургского университета профессор И.Я. Фроянов, ставший в 2000–2001 гг. объектом развязанной против него в либеральных средствах массовой информации самой разнузданной травли и клеветы, сопоставимой разве что только с погромными идеологическими кампаниями против историков конца 1920–1930 гг.

«Война, – отмечал в связи с этим, разъясняя сокровенную суть происходивших вокруг него событий, сам И.Я. Фроянов, – идёт не против меня лично, а против русской истории. И совершенно понятно, чем им всем не угодила наша классическая историческая наука. Она им прямо как кость в горле, потому что историческая наука формирует национальное самосо-

знание. Известно, что знание истории делает человека гражданином. А русское национальное самосознание в эпоху глобализации для клиентов Сороса – только лишнее бремя⁷.

В справедливости именно такой интерпретации «дела» И.Я. Фроянова убеждает и вакханалия, разыгравшаяся несколькими годами позже в либерально-демократических средствах массовой информации вокруг учебника по истории России профессоров Московского университета А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова⁸ – история настолько дикая, что позволила некоторым исследователям даже заговорить о новом «деле историков»⁹ (о «старом» относящемся ещё к советским временам 1929–1931 гг., напомним, впервые написал в 1997 г. В.С. Брачев¹⁰).

Характерно, что, как и в случае с И.Я. Фрояновым, и на этот раз радетели общечеловеческих ценностей требовали от властей принятия жёстких мер в отношении инакомыслящих учёных, требовали репрессии, иначе говоря, «крови». Так что книгой своей (в 2006 г. краткое изложение её основного содержания под названием «Травля русских историков» было опубликовано издательством «Алгоритм» в Москве¹¹) В.С. попал, как говорится, в самую «точку».

Книга эта едва не стоила В.С. потери места в университете, но поступить иначе, промолчать, не одёрнуть зарвавшихся клеветников и провокаторов, В.С., в силу своих нравственных убеждений, видимо, просто не мог.

Конечно же, следует понимать, что предлагаемая вниманию читателя книга, приуроченная к исполняющемуся 26 мая 2012 г. 65-летию Виктора Степановича, это никакая не монография в классическом смысле этого слова. При жизни героя повествования, а также его друзей и недругов, это едва ли возможно. Слишком многое приходится не договаривать, о многом умалчивать. Правильнее, поэтому, было бы воспринимать её скорее как сводку первичного материала для будущих монографических исследований по истории нашей исторической науки.

Последние годы всё чаще и чаще в речах В.С., особенно после смерти дочери (2011 г.), проскальзывает мысль о надвигающейся старости и необходимости остановиться, оглядеться и подвести определённые итоги пройденного пути в науке. Хочется надеяться, что данная работа при всех её несовершенствах, можно сказать, неизбежных при сложившихся обстоятельствах, окажется весьма полезным опытом в этом направлении и будет благосклонно принята читателем.

---

⁷ Фроянов И.Я. Это счастье служить России // Советская Россия. 2001, 4 мая. С. 3.

⁸ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России 1938–2002. М., 2003.

⁹ Новое «дело историков». Русский взгляд на историю. Сб. статей. Составитель Е.А. Городнова. М.: «Форум», 2010.

¹⁰ Брачев В.С. «Дело историков» 1929–1931 гг. СПб., 1997. Есть и второе издание. (СПб., 1998).

¹¹ Брачев В.С. Травля русских историков. М., 2006.

Глава 1. Родители. Детство и юность. Псковский пединститут. Начало трудовой деятельности

Родился Виктор Степанович 26 мая 1947 г. в деревне Матеша Ахремовского сельсовета Браславского района Полоцкой области тогдашней БССР в семье бывшего партизана – уроженца Симбирской губернии Брачева Степана Николаевича и крестьянки этой же деревни Шаркевич Стефании Андреевны.

Сначала об отце В.С. Степан Николаевич Брачев появился на свет в селе Озёрки Языковской волости Курмышского уезда Симбирской губернии¹² (кстати, «брача» по словарю В.И. Даля означает жениховство или сватовство) 11 августа 1910 г. Крещён в местной Христорожественской церкви села. Его отцом был малоземельный крестьянин Николай Григорьевич Брачев. Мать – Агриппина Тимофеевна Жукова. Кроме села Озёрки представители фамилии Брачевых встречаются в конце XIX – начале XX вв. в селе Нарышкине Сердобского уезда Нижегородской губернии Бековской волости (Брачев Семён Иванович 1889 г. р.), в деревне Никольская слобода Свияжского уезда Косяковской волости Казанской губернии (Брачев Григорий Иванович 1865 г.р.) и в деревне Русские Азели Свияжского уезда Казанской губернии (Брачев Гордей Иванович).

«Дедушку, – пишет в своих воспоминаниях¹³ Степан Николаевич, – я не помню, но бабушку помню хорошо. Звали её Анной, по прозвищу Анюша, очень была сердитой, злой. Отец мой был у неё старшим сыном. Всего их было пятеро братьев – Николай, Яков, Иван, Фёдор и Тимофей. Мать наша умерла не знаю в каком году, я был ещё маленький. Семья наша была: мы с отцом и три моих старших сестры: Екатерина, Наталья и Ульяна.

Отец тогда был лесником в Чувашах. Земли было у нас мало: если разделить на пятеро братьев, то там и десятины не придётся на брата. Перед самой революцией семья вернулась в Озёрки. Здесь у нас было хозяйство: лошадь, корова и две овечки. В революцию 1917 г. отцу дали винтовку и патроны к ней, а то буржуи так своего бы не отдали.

Были к нам в село присланы солдаты в серых шинелях, тоже с винтовками, около нас было 2 помещика – Рогозин и Землянин, которых разграбили бедняки-крестьяне. Землю их разделили между собой, а хлеб сдали государству.

Так вот, в 1920 г. мы, т. е. вся наша семья заболели тифом. Перед этим у нас пала лошадь. Сестра Ульяна померла от тифа, затем отец, а мы – я и две сестры, Катя и Наташа, как-то оклемались и вот живём до сих пор. 14.7.1972 г.»

Этим заканчиваются краткие записки Степана Николаевича, кстати, написанные им по просьбе В.С. На большее его, как говорится, не хватило, через год 20 декабря 1973 г. он умер от рака.

О других деталях истории рода Брачевых мы узнаём уже от самого Виктора Степановича, так как отец много рассказывал ему о себе и своей жизни. После смерти жены, дед Виктора Степановича, Николай Григорьевич, привёл в дом мачеху, которая, собственно, и вела всё домашнее хозяйство, однако, когда в 1920 г. умер и он, мачеха ушла из их дома. Сёстры Катя и Наташа пошли в прислуги, десятилетнего же Степана из милости взяли к себе на воспитание брата его отца, у которых по очереди он и жил до 17–18 лет. В школу Степан Николаевич пошёл только в 1921 г. в возрасте 10 лет. Это был школа трёхлетка в селе Озёрки. Первым учителем его был Серафим Фёдорович Крылов, сын попа деревенской церкви. Но проучился здесь Степан Николаевич только всего одну зиму, надо было помогать по хозяйству дядям, у

---

¹² Ныне село Озёрки Пильненского района Горьковской области.

¹³ Личный архив В.С. Брачева.

которых он жил и у которых, по его словам, делал всю чёрную работу. Единственным светлым воспоминанием были поездки в ночное пасти лошадей.

Серьёзные перемены в его жизни произошли тогда, когда старшая из сестёр Катя вышла замуж и, пожалев брата, взяла его в свою семью, которая в поисках лучшей жизни переехала в 1928 г. на Урал на хутор «Хорошая речка» Старобухаровского сельсовета Бисертского района Свердловского округа. Здесь Степан экстерном продолжил обучение в трудовой школе первой ступени, вступил в комсомол и даже был избран делегатом на областной комсомольский съезд, куда и явился в лаптях и военной гимнастёрке. Встречали их девушки в красных платочках.

19 мая 1929 г. Степану Николаевичу заведующей Кантугановской школой первой ступени Свердловского округа Т. Смирновой было выдано свидетельство о том, что он «действительно обучался в названной школе поступив в неё с домашней подготовкой и успешно прошёл курс 3 и 4 группы». В марте 1931 г. Степан Николаевич оказался в школе фабрично-заводского обучения (ФЗУ) при Златоустовском металлургическом заводе им И.В. Сталина, которую и окончил 13 апреля 1933 г., когда ему была присвоена квалификация формовщика 4 разряда. Однако по специальности работал не долго и в том же году он вернулся на родину в село Озёрки (колхоз «Агитатор» Озёрского сельсовета Пильненского р-на) и женился. Жена – Аграфена Тихоновна, от брака с которой он имел двух сыновей – Виктора (1934–2004) и Михаила (1937 г.) и в ноябре этого же 1933 г. был призван в ряды Красной Армии. Зачислили его в Нижегородскую бронетанковую школу, где он и прослужил по октябрь 1935 г.

Проработав некоторое время после демобилизации участковым инспектором Алгашинского районного отдела милиции управления НКВД по Чувашской АССР в рабочем посёлке Шумерля, Степан Николаевич принимает решение возвратиться в родную деревню, закончив предварительно в июне 1939 г. школу механиков «Батрак», получив специальность комбайнёра.

В июле 1941 г. в связи с началом войны был призван по мобилизации Пильненским РВК в ряды Красной Армии. Принимал участие в боях под Ленинградом и попал в плен в сентябре 1941 г., после чего оказался в немецком концлагере под Каунасом.

Условия жизни там были, согласно его воспоминаниям, крайне тяжёлыми, свирепствовала дизентерия, люди мёрли как мухи. Работали, главным образом, на разгрузке вагонов на станции, никаких норм не было, работали до изнеможения. Местное литовское население, стоит отметить, относилось к военнопленным сочувственно. Зная, где они работают, люди оставляли им хлеб на земле, бросали его им и во время движения колонны на улице. Однажды, рассказывал С.Н., во время работы, когда контроль охраны был ослаблен, заглянули мы с товарищем во двор соседней школы, нас сразу же окружили литовские школьники, мы попросили хлеба и дети отдали нам свои школьные завтраки и вообще, выражали своё сочувствие.

Тем не менее, силы С.Н. были уже на исходе. От неминуемой смерти его спас случай. Дело в том, что нуждаясь накануне весенних полевых работ, в рабочей силе литовские зажиточные крестьяне обратились к немецким властям с просьбой передать им часть военнопленных для использования их на сельскохозяйственных работах. Те согласились. Можно себе представить ажиотаж в лагере, когда там узнали, что можно записаться на эти сельхозработы. Проблема была в другом – желающих записаться было много, а требовалось несколько десятков человек. Образовалась давка, крики, ругань; не в силах добиться должного порядка, немецкие солдаты рассвирипели и стали избивать людей.

По жизни Степан Николаевич был маленьким (рост всего 168 см) и щуплого телосложения. Неудивительно, что, выстроившись в очереди на запись, он оказался последним. Шансов попасть в заветный список не было никаких, и тогда у С.Н. возникла счастливая мысль. Зная, как немцы любят порядок, решил поднять руку – единственный в этой, можно сказать, обезумевшей очереди.

Расчёт его оказался верным, руководивший записью немецкий офицер сразу же заметил дисциплинированного военнопленного и сделал ему знак рукой: «kom hier» – («иди сюда») – и Степан Николаевич оказался в заветном списке. А дальше было то, что живо напомнило наше сегодняшнее представление о невольничьем рынке. Военнопленные были построены в ряд, а литовские крестьяне ходили вокруг них и выбирали себе наиболее подходящих.

Степана Николаевича выбрала какая-то женщина и забрала к себе на хутор. Но пробыл он у неё не долго, и вскоре оказался на хуторе некоего Бронюса, у которого колол дрова, носил воду, убирал навоз в хлеву, и вообще, выполнял всякую чёрную работу. Относился, впрочем, Бронюс к нему хорошо.

Проблема была в другом. Лето 1942 г. шло к концу и другого исхода, как возвращение после окончания осенне-полевых работ в лагерь, для Степана Николаевича не предвиделось. Выход в сложившейся ситуации был один: бежать как можно скорее на восток. Заранее всё обдумав и запасшись буханкой хлеба и литовской ученической картой, Степан Николаевич вместе с другим военнопленным, своим товарищем, дождавшись когда стемнело, тронулись в путь. Двигались они, главным образом, ночью лесами и болотами, стараясь не заходить в населённые пункты и не удаляться слишком далеко от дороги, которая была для них естественным ориентиром. Так через несколько дней они оказались в лесах Западной Белоруссии.

В отличие от Литвы, в Белоруссии опасаться того, что местное население выдаст беглецов немцам оснований было уже куда меньше. Тем не менее кто-то донёс о «советском бойце», бежавшем из лагеря и Степан Николаевич был арестован. Посадили его в тюрьму города Браслав. Находилась она в кирпичном здании, где в настоящее время располагается отдел милиции Браславского РУВД.

Сначала Степан сидел в камере вместе с тремя литовцами – бывшими полицейскими, устроившими дебош и пьяную драку, которых, впрочем, вскоре выпустили. Затем подселили нескольких евреев. Через несколько дней их расстреляли и, в конце концов, он оказался в камере совсем один. Сомнений у него уже не было. Такая же участь ждёт и его.

В это страшное время в порыве отчаяния Степан Николаевич обратился к Богу, в которого, впрочем, до этого времени не верил и никогда не молился. Но теперь, попав в критическую ситуацию, он горько пожалел об этом. «Господи, – взмолился он, – услышь меня, спаси меня и я не только уверую в тебя и твою силу, но и буду усердно молиться и склонять к этому других. Я буду всем рассказывать о тебе и твоём могуществе. Прости мне мои прегрешения». И Господь услышал его.

Дело в том, что в тюрьме существовала должность истопника, которую исполняли заключённые. Когда же из всех их остался один Степан Николаевич, начальник тюрьмы некто Неведомский поручил исполнять её ему. Это, собственно, и спасло Степана Николаевича.

Поскольку расстреливали заключённых рано утром, и приходили за ними эсэсовцы часов в пять, он в это время никогда не спал, ожидая той роковой минуты, когда придут именно за ним. И дождался, поскольку в камере, как уже отмечалось, больше никого не было, то когда немцы пришли, стало ясно, что пришли именно за ним. Воспользовавшись тем, что эсэсовцы курили и переговаривались между собой, Степан Николаевич, который в это время растапливал печку, незаметно вышел в соседнюю комнату, быстро снял с себя ботинки и раздетый и разутый, в одних только носках неслышно, стараясь не привлекать к себе внимания, проскользнул по коридору и выскочил на улицу.

Так как здание тюрьмы располагалось на самом краю Браславского озера Дривяты, за которым начинался густой лес, путь Степана Николаевича лежал через озеро именно туда. Надо было бежать как можно быстрее, но бежать Степан Николаевич не мог: страх сковывал его движения. «Крикни кто-нибудь: “стой”: я бы сразу же упал», – рассказывал он впоследствии сыну. К счастью для него, погони не было и спотыкаясь и падая на слегка занесённом снегом льду только что замёрзшего озера, он благополучно добрался до леса и уже на первом

встреченном на своём пути хуторе, попросил обувь. Ему дали старые калоши и немного хлеба. Привязав калоши верёвкой к ногам Степан Николаевич двинулся дальше. Заночевал он в бане, которую впрочем не побоялся даже истопить. Утром двинулся дальше. Так начались странствия Степана Николаевича по хуторам и деревням Браславщины, приведшие его в конце концов в партизанский отряд.

Как видно из удостоверения «Партизана Белоруссии» за номером 241621 выданного Степану Николаевичу 21 марта 1973 г., он «действительно участвовал в партизанском движении в Белоруссии в период Великой Отечественной войны с 16 апреля 1943 г. по июль 1944 г. в качестве рядового партизана партизанского отряда им. Жданова бригады “За Родину”».

В июле 1944 г. после освобождения Западной Белоруссии Советской Армией, Степан Николаевич был призван в её ряды (199 гвардейский стрелковый полк, телефонист) и принимал участие в боевых действиях в Восточной Пруссии. После окончания в марте

1945 г. курсов станковых пулемётчиков (176 запасной полк) Степан Николаевич, к этому времени в должности младшего сержанта и командира отделения станковых пулемётов 213 стрелкового полка, готовился к штурму Кёнигсберга. Но к счастью, город был взят без штурма. За этот короткий период Степана Николаевича трижды ранили, два лёгких ранения были получены им 2 и 24 февраля 1944 г. и одно в обе ноги и левую руку уже 30 ноября этого же года. За участие в боях с немцами младший сержант С.Н. Брачев был награждён орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Германией». 30 октября 1945 г. он был демобилизован.

Однако к себе домой в Горьковскую область возвращаться из-за неудачного брака с Аграфеной Тихоновной, о чём уже шла речь, он не спешил. Вместо этого Степан Николаевич принимает 1 апреля

1946 г. предложение занять должность уполномоченного Министерства заготовок Белорусской ССР по Браславскому району, чтобы, как он впоследствии рассказывал, накопить денег и вернуться в Озёрки при полном, как говорится, параде.

Судьбе, однако, было угодно, чтобы события пошли совсем по другому сценарию и в родное село к жене и детям Степан Николаевич так и не вернулся. Виновником случившегося стало его знакомство с крестьянкой деревни Матеша (хутор Рудавец) Шаркевич Стефанией Андреевной – будущей матерью Виктора Степановича. Случилось это летом 1946 г.

Фамилия Шаркевич достаточно распространена как в Белоруссии, так и в России. Однако конкретно в Матешах (сама деревня возникла в середине XVIII века как поселение бежавших в Польшу судя поговору («пашоццы» и пр.) псковских крестьян-старообрядцев.

Наиболее раннее свидетельство о матешских Шаркевичах относится к 1901 г. Это запись в книге предбрачных записей Браславского костёла за этот год, хранящейся ныне в Отделе рукописей библиотеки Вильнюсского университета (Ф. 197–8, л. 120): «Андрей, сын крестьян Перебродской волости Ивана и Иоанны из Петкевичей Шаркевичей (родился в деревне Матеша Иказненской парафии), 24 года. Фортоната, дочь дворян Стефана и Анны из Панкевичей Стоммов, 21 год».

Из записи этой видно, что дед Виктора Степановича по матери, Шаркевич Андрей Иванович родился в 1877 г. Устанавливается и родовое, так сказать, гнездо наших Шаркевичей – Перебродская волость Дисненского уезда Виленской губернии под Браславом. Согласно наведённым справкам в 1895 г. в деревне Рудово Перебродской волости Дисненского уезда Виленской губернии проживал некий Адольф Степанович Шаркевич 1870 г.р., но состоял ли он в родстве с нашим Шаркевичем Андреем Ивановичем, неясно.

Согласно семейным преданиям Шаркевичей, у Андрея был ещё брат Игнатий, умерший в возрасте 25 лет от туберкулёза, потомства после себя он не оставил.

Не слишком далеко уходят наши сведения и о происхождении бабушки Виктора Степановича по матери – Стомма Фортунате Стефановны. Из уже упоминавшейся нами предбрач-

ной записи видно, что родилась она в 1880 г. и была дочерью дворянина Стефана Стоммы и его жены Анны Панкевич. Однако каково происхождение этого Стоммы выяснить не удалось.

В.С., который одно время плотно занимался своей родословной и даже опубликовал на эту тему статью¹⁴ удалось установить три ветви рода Стоммов (первоначально Мержинские): Матеушевы, Гипполитовы или Николаевы, и наконец, Игнатьевы-Стоммы. Две первых из них обосновались в Дрисвятской волости Новоалександровского уезда (имения Томулино, Бобруши, деревня Вишнёво и Зодегальве), третья, так называемые Игнатьевы-Стоммы проживали в Вилкомирском уезде, ныне Укмерге (Литва) Ковенской губернии. Наиболее видным представителем этого рода, можно считать видимо, генерал-майора Тита Людвиговича (Степановича) Стомму (вышел в отставку 4 мая 1890 г.) в Петербурге.

Однако «привязать» нашего Стефана Стомму ни к одному из трёх линий этого рода *В.С.* не сумел. Сам он объясняет случившееся тем, что был введен в заблуждение записью в метрике своей матери о том, что она дочь Стоммы Фортунаты Игнатьевны, и следовательно, искал среди своих предков Игнатия Стомму, а не Стефана. Скорее всего, прадед *В.С.* имел двойное имя Игнатий-Стефан, как это принято у лиц католического вероисповедания.

Согласно рассказам матери *В.С.*, её мать Фортуната была дочерью Стефана Стоммы от его первого брака, после смерти матери отец снова женился. В 1911 г. от этого второго брака у него родился сын Игнатий Стомма. В 1920-е годы, когда его отец умер, он жил в семье своей сводной сестры. Умер Игнатий Стомма в 1960 г. в деревне Густаты Браславского района Витебской области. Его внук Юрий Леонидович Стомма в настоящее время живёт в деревне Дрисвяты, недалеко от города Браслав. Ныне он и его сын Юрий-младший являются единственными дальними родственниками *В.С.* по линии славного шляхетского польского рода Мержинских-Стоммов.

Но вернёмся к Шаркевичам. Свою бабушку Иоанну Петкевич, мать *В.С.* не помнила, так как она рано умерла. Дед Иван (Ян) женился вторично.

Жили Шаркевичи в Матешах недалеко от Матешской горы (самая высокая точка на западе Белоруссии) на том месте, где построил свой двор в конце 1950-х годов Иван Матвеев. В 1907 г. у четы Шаркевичей родился первенец – дочь Фортуната, в 1914 г. – сын Иван и в 1917 г. – Андрей. Земли у них было немного, всего 12 десятин.

Революция 1917 г. и польско-советская война 1920 г. внесли серьёзные изменения в жизнь Матеш, так как территория Западной Белоруссии отошла по Рижскому договору 1921 г. Польской республике. В это же время 1 мая 1922 г. родился последний ребёнок в семье Шаркевичей – дочь Стефания. В 1929 г. в Западной Белоруссии поляки провели реформу, согласно которой желающие могли выйти из деревни и образовать самостоятельное хозяйство или хутор. Шаркевичи воспользовались этим правом и переселились на самый край деревни, образовав хутор Рудавец, примыкающий к болоту и небольшому лесному озеру под этим же названием. Точно так же поступил и целый ряд других жителей деревни. Непосредственными соседями Шаркевичей были Богушевичи и Бобровские, причём Богушевичи являлись родственниками Шаркевичей (Андрей Иванович и глава семейства Богушевичей были двоюродными братьями, так как их отцы, в своё время женились на родных сёстрах).

Если в деревне Андрей Иванович (или Андрус, как его обычно называли) имел в своём распоряжении 12 гектар земли, то на новом месте, на хуторе с учётом неудобий, болота и оврагов у него оказалось уже целых 15 гектар. Это позволило ему завести здесь большое хозяйство. Согласно воспоминаниям матери *В.С.* Стефании Андреевны, одних только гусей он продавал на 200 злотых. В хозяйстве было до 30 голов рогатого скота, из них только дойных коров целых 7 штук, 3 лошади (2 рабочих и одна выездная), овец было до 10 штук, а свиной до 20, в том

---

¹⁴ Брачев В.С. Стоммы: история рода // Клио. Журнал для ученых. СПб. 1999, № 1(7), с. 274–280.

числе, что запомнилось девочке, большая чёрно-бурая свиноматка. Но зато и работать приходилось много, в том числе и детям.

Впрочем, нового дома после переезда на хутор Андрей Иванович строить не стал и перевёз сюда свою старую хату, которая представляла из себя кухню с земляным полом и одну большую комнату с русской печью, в которой стояли деревянные кровати и нары. Стенных часов в доме не было. Первые ручные часы отец, согласно воспоминаниям Стефании Андреевны, подарил ей, когда она стала уже невеститься. Настоящим украшением кухни был большой медный самовар.

Как уже отмечалось, сам Андрей Иванович был малограмотным. Малограмотными были и его дети. Старшая дочь его Фортуната в школу не ходила ни одного дня. Недолго учились и сыновья Андрея Ивановича – Иван (Ясь) и Андрей.

Что же касается самой младшей дочери Стефании, то она училась всего одну зиму в польской школе в деревне Гальеши. Во второй класс её туда Андрей Иванович не пустил, так как надо было помогать по хозяйству: пасти гусей, кормить свиней и пр.

Конечно же, картофеля, хлеба, мяса и молока в доме было с избытком, но не хлебом единым жив человек. А вот с этим-то и были проблемы. Андрей Иванович был скуповат и копил деньги на строительство нового дома и обширных хозяйственных построек, так что о сладостях, не говоря уже о фабричных игрушках, его детям приходилось только мечтать.

Белые булки, конфеты, печенья – только по праздникам. Да и чай с сахаром, по словам Стефании Андреевны, пили далеко не каждый день. Исключение было сделано только для Фортунаты Стефановны, которая жаловалась на боли в желудке и есть чёрный хлеб и сало не могла. Однако умерла она в середине 1930-х гг., как это часто бывает совсем от другой болезни, от заражения крови.

А началось всё с того, что от постоянного ношения грубых суконных чулок, на ноге у неё образовалась небольшая мозоль (или волосник по-народному), а затем небольшая ранка. Для лечения заболевания были использованы все народные средства, но ничего не помогло. Нога распухла и покраснела, пришлось в конце-концов обратиться к врачу и тот предложил ампутировать ногу. Однако Фортуната Стефановна отказалась и возвратилась домой. Кто-то посоветовал ей распарить ногу в бане и растереть керосином. Так и поступили.

И действительно опухоль сразу же исчезла. Обрадованная этим, Фортуната Стефановна даже заявила: «ну дети, буду жить!». Однако радость её оказалась преждевременной и уже к утру у неё резко поднялась температура, началось общее заражение крови и она умерла. Похоронили её на Матешском католическом кладбище под берёзой.

Так Андрей Иванович в одночасье оказался вдовцом. Сыновья к этому времени уже выросли, и, надо прямо сказать, доставляли они ему мало радости. Старший Иван (Ян, Яська) был очень азартен, незаметно для себя превратился в заядлого картёжника и большую часть времени проводил в деревне у некоего Еремея, где играл в карты с деревенскими парнями. Зная его слабость, они договаривались между собой и обыгрывали его вчистую, вплоть до последних штанов.

Младший же Андрей, напротив, был серьёзен и с деревенскими парнями особенно не дружился. Но зато у него был другой небольшой недостаток – он был задирист, любил подраться и выпить.

Нападение в сентябре 1939 г. Германии на Польшу и вступление советских войск в Западную Белоруссию ничего хорошего семье Шаркевичей не принесло. Старший сын Андрея Ивановича – Яська, служил в это время в лёгкой кавалерии под Вильно. Простояв здесь несколько недель в ожидании команды из Варшавы, но так и не дождавшись её, кавалеристы разбрелись по домам. Польское государство перестало существовать. Возвратился домой в Матеши и Яська. Создалось впечатление, вспоминала позже Стефания Андреевна, что Польшу продали.

Именно в это время новые советские власти отобрали у Шаркевичей одну корову и заставили сдавать государству зерно и картошку. Ходили слухи, что и то и другое, Советы якобы отправляли в Германию. Собирали, по словам Стефании Андреевны, даже овчины, видимо, на полушубки.

Впрочем, Шаркевичам ещё повезло и они легко отделались, так как их соседи Богушевичи и Бобровские лишились, можно сказать, всего.

Сначала прошёл слух, что сын Богушевича сорвал флаг с крыльца дома в Матешах, и его арестовали, а за ним арестовали и его родителей. Арестованы были и Бобровские, а также некий Мартынка-Старовер. Все они были высланы в 1940 г. в Сибирь сроком на 8 лет и в родную деревню из них уже никто не вернулся. Всё добро их растащили. Что касается Андруса, то по словам матери В.С., он взял к себе только собаку Богушевичей.

С этого времени и с последующей немецкой оккупацией Белоруссии семья и хозяйство Шаркевичей стали катастрофически разваливаться. Во-первых, в 1942 г. их дом был начисто разграблен партизанами (официально это называлось в то время реквизицией). По свидетельству матери В.С., кроме скота забрали и всё ценное, что было в доме, в том числе одеяла, простыни и подушки. Они же (партизаны) расстреляли в это время и старшего сына Андрея Ивановича – Яську, о котором у нас уже шла речь.

Дело в том, что, вернувшись из польской армии в конце 1939 г. в Матешах, он не торопился начинать семейную жизнь и усердно посещал деревенские «танцы». Одно из таких посещений (в партизанской деревне Бардиничи) закончилось для него трагически. Вступив здесь по неосторожности в конфликт с местными парнями, связанными с партизанами, он был избит, уведён в лес и расстрелян.

Нашли его только через несколько недель в лесу, где он лежал скорчившись в неглубокой яме, слегка засыпанной землёй и хворостом. Завернув труп в простынь, его отец и сёстры доставили его на телеге в Матешах и похоронили на деревенском кладбище рядом с матерью.

Большую тревогу у Андрея Ивановича вызывало в это время отсутствие каких-либо известий от младшего сына Андрея. Ещё до войны он успел порадовать отца и женился на крестьянке из деревни Германовщина по имени Ванда. Поселились молодые в Матешах на хуторе Рудавец. Андрей Иванович выделил им 5 гектаров земли. Было начато строительство дома. Начавшаяся война и мобилизация Андрея в польскую армию разрушили эти планы. Старший брат Андрея Иван, как мы уже знаем, тоже был мобилизован, но в том же 1939 г. сумел вернуться домой. Андрею же этого сделать не удалось. И о судьбе его долго ничего не было известно¹⁵. Не дождавшись возвращения мужа Ванда вместе с родившейся дочерью – Фелицией – (в настоящее время Фелиция Андреевна Новикова проживает в городе Речица Гомельской области в Белоруссии) вернулась к своим родителям в Германовщину.

Покинула к этому времени родительский дом и старшая дочь Андрея Ивановича – Фортуната, вышедшая замуж за крестьянина из соседней деревни Рукши Стилбу Альфонса Ивановича, и Андрей Иванович остался на хуторе с младшей дочерью Стефанией.

Наконец, зимой 1942–1943 гг. во время карательной экспедиции немцев погиб и сам Андрей Иванович. Вместе с ещё 16 односельчанами – жителями деревни Матешах, он был заживо сожжён в одном из её домов. Сожгли немцы (или вернее латыши, которые, собственно, и составляли карательный отряд) и хутор Рудавец.

Сама Стефания этого ужаса, правда, не видела, так как вместе с другими молодыми девушками и парнями её заставили гнать отобранный у жителей деревни скот в город Браслав для последующей отправки в Германию. Туда же должны были отправить и согнанную из

---

¹⁵ В 1946 г. Андрей Шаркевич вернулся на родину из Польши и на пути в Германовщину таинственно исчез, так и не увидев родных и близких. Наиболее вероятная версия случившегося – разбойное нападение и убийство с целью ограбления. Никакого следствия, впрочем, проведено так и не было.

окрестных деревень молодёжь. Попала в их число и Стефания Андреевна. Только случайность (встретила знакомого полицейского, который помог ей выбраться из оцепления) позволила ей избежать угона в Германию и вернуться в деревню.

Можно представить себе ужас молоденькой девушки, когда, подходя рано утром к хутору, вместо родного дома, она увидела только дымящиеся головешки. Страшным ударом для неё стало и известие о трагической смерти отца. Обгорелый труп Андрея Ивановича она впрочем, опознала, по характерным пуговицам его не вполне сгоревшего овчинного полушубка и похоронила рядом с матерью и братом.

Лишившись в одночасье родительского дома, первое время Стефания жила у своей подруги в соседней деревне Кузьмовщина, а затем в деревне Хлебовщина у Юзефы Долецкой, кстати эта Юзефа, пожалуй, самая близкая из всех подруг Стефании, стала впоследствии крёстной матерью её детей, в том числе и Виктора Степановича.

Спасло Стефанию от голода то, что на пожарище ей удалось обнаружить закопанный отцом в землю сундук с зерном, который и был перевезён ею сначала в Кузьмовщину, а затем Хлебовщину. Этим она первое время и жила.

Однако долго такое житьё у подруг продолжаться не могло. И, в конце концов, она вынуждена была вернуться на хутор в отцовскую баню-землянку, которая, собственно, потому и не сгорела, что была выкопана в земле у подножия довольно внушительной горы или холма. Топилась эта баня по-чёрному, т. е. никакой печной трубы у неё не было и дым из топившейся, сложенной из камней печки (печка-каменка) выходил в отверстие в потолке бани и в открытую дверь.

К счастью, после смерти отца, вернулась на хутор и старшая сестра Стефании Фортуната с мужем. Они также вырыли землянку по соседству и стали обзаводиться хозяйством.

Надо было обзаводиться хозяйством и Стефании. В первую очередь речь шла о корове. О том, чтобы купить её не могло быть и речи. Не было денег. Выручил дядька Игнатий Стомма, о котором у нас уже шла, речь и который к этому времени женился и жил с женой в деревне Густаты. Он дал Стефании маленькую тёлочку на обзаведение. Через два года она превратилась в корову. Отцовскую землю сёстры поделили пополам и каждая должна была обрабатывать свою половину самостоятельно. Сажали картофель, капусту, сеяли рожь. Вскладчину приобрели лошадь, при помощи которой и обрабатывали землю. Настоящей бедой Стефании, как впрочем, и других её односельчан, были непомерно высокие налоги. Дело в том, что в первые послевоенные годы колхозов в Западной Белоруссии ещё не было, а с крестьянами-единоличниками новая власть не церемонилась. Для Стефании же эта проблем налогов, в том числе и натуральных, усугублялось ещё и тем, что земли у неё было не 5 гектар, а чуть больше, поэтому налог с неё брали уже не с 5, а как с 10 гектар.

На её настойчивые просьбы уменьшить надел, никто не реагировал. Выплатить налог она не могла; не удивительно поэтому, что скоро у неё образовалась большая задолженность. На этой, собственно, почве и произошла её первая встреча с уполномоченным Министерства заготовок или, проще говоря, финагентом Степаном Брачевым.

Вот как вспоминала об этом сама Стефания Андреевна: «Стоял поздний летний вечер 1946 г. Усталая возвращалась я с мешком муки на плечах в свою землянку из деревни Шоколивщина, которую только что размолоча вручную на жерновах. Вдруг вижу – едет Кавур (Пушкарёв), а на телеге незнакомый мужчина. – Вот эта, которую не нашли, – говорит Кавур и показывает на меня».

Здесь уместно сказать, что сдавали налог в это время не только зерном, но и молоком. Приёмный пункт был в деревне Бельмонты в семи километрах от Матеш. Носить молоко на такое большое расстояние было неразумно, и поэтому вместо молока было разрешено сдавать масло. Вот по нему-то у Стефании и была большая задолженность. Узнав в чём дело, Стефа-

ния обещала задолженность ликвидировать, и, сославшись на то, что уже поздно, отправилась домой.

После этого финансовый агент Степан Брачев зачастил на хутор Рудавец. А поскольку Стефания жила одна и явно не справлялась с хозяйством, он стал ей помогать: колоть дрова, убирать хлеб, молотить снопы с зерном, косить траву и прочее. В результате этим же летом они поженились. А уже менее чем через год, 26 мая 1947 г. появился на свет и герой нашего повествования, первенец в этой семье Виктор Степанович Брачев.

Виктором его назвал отец, видимо, в память о своём первом сыне от брака с Аграфеной Тихоновной в селе Озёрки, о чём уже у нас шла речь.

Жили первое время молодожёны в уже упоминавшейся бане, поскольку топились она по-чёрному, стены и потолок её всегда были чёрными от сажи. Никакой мебели здесь, понятное дело, не было, да и не могло по бедности быть. Чтобы младенец не задохнулся от дыма в то время, когда печка топилась, отцу приходилось закутывать его в тряпье и выносить наружу.

Главная задача, которую поставил перед собой Степан Николаевич заключалась в том, чтобы срочно построить свой дом. Конечно же, и речи не могло быть о совершенно новом доме. Единственное что ему удалось, так это приобрести в дальней деревне небольшой сарай, разобрать его, перевезти в Рудавец и, собрав здесь заново, приспособить под жильё. Так он и поступил.

26 мая 1948 г. т. е. когда Виктору Степановичу исполнился ровно год, свои первые шаги он сделал уже по новому дощатому полу в новом доме. Это было событие.

Что же касается самого дома, то, по словам *В.С.* дом – это слишком громко сказать. На самом деле это была маленькая хатка в 2 окна, без фундамента, покрытая соломенной крышей. Зимой в ней было страшно холодно и в вёдрах замерзала вода. Спасались на русской печи. Собственно вокруг неё и теплилась жизнь. Мебели в доме никакой не было. Вместо неё – сбитый из досок стол и лавка. Не было в доме и часов. Из посуды – сковорода, 4 алюминиевых ложки и одна, правда, глубокая, миска. Из неё все и ели. Впрочем сестра Стефании Андреевны, Фортуната, жила и того хуже. Ложки и миски, по воспоминаниям *В.С.* были у них деревянными. Особенно запомнились *В.С.* башмаки Фортунаты Андреевны с деревянными подошвами (крайняя степень бедности). Да и свой дом Фортуната Андреевна с Альфонсом Ивановичем смогли построить только где-то в 1956–1957 гг., т. е. намного позже, чем семья Брачевых, а до этого жили они в землянке, также топившейся по-чёрному. У них было двое детей – 2 девочки, старшая Вячеслава (Чеся, 1943 г.р.) и младшая Фортуната (Франя, 1946 г.р.). В тесном общении и в играх с ними, собственно, и формировались первые детские впечатления Виктора Степановича. Младшая из них, Фортуната, к сожалению, уже умерла, а старшая Чеся живёт в настоящее время в г. Екабпилс в Латвии, куда они уехали из Матеш ещё в конце 1950-х гг. спасаясь от нищеты.

Что же касается семьи Брачевых, то она в начале 1950-х гг. увеличилась. 5 марта 1950 г. у них появился второй сын – Валентин (в настоящее время проживает в Полоцком районе Витебской области, республика Беларусь, пенсионер). Так как брак между родителями к этому времени официально был расторгнут, хотя они и продолжали жить вместе, зарегистрировать его пришлось уже по фамилии матери – Шаркевич. В 1953 г. появился ещё один ребёнок – Николай, но он через год умер.

В 1953 г. с *В.С.* случилось большое несчастье, первое в его жизни. Видя что отец наточил топор и положил его под лавку, мальчик решил самостоятельно срубить дерево; взял топор и держа его обеими руками на весу вышел на улицу. Но по дороге подскользнулся, упал и топор свалился на него, разрубив кисть левой руки. Сам Виктор, впрочем, так испугался, что не почувствовал боли, не было на первых порах видно и крови, но зато как испугались его родители!

Никаких бинтов в доме, не говоря уже о йоде, зелёнке и прочем не было и в помине. Стояла летняя жара, кругом было полно мух и, боясь заражения крови, так как рана оказалась глубокая, Стефания Андреевна, не придумала ничего другого, как дезинфицировать её. Заставив *В.С.* положить руку на порог хаты, она тут же пописала на неё, и надо сказать поступила, хотя и оригинально, но совершенно правильно. Перевязав затем наскоро руку мальчику какой-то тряпкой, родители решили немедленно отправить его в больницу г. Браслав, до которого было не менее 15 вёрст. Своей лошади, не говоря уже о каком-нибудь другом транспорте, у Брачевых, естественно, не было. Ни о каких рейсовых автобусах или скорой медицинской помощи, говорить тоже не приходилось. Надо было срочно обращаться в колхоз за лошадьё, и здесь ярко проявилась разница характеров отца и матери *В.С.* Степан Николаевич заколебался в эту ответственную минуту и стал говорить, что лошадь с телегой ему никто не даст, что идёт уборка урожая и прочее. В результате за лошадьё вынуждена была пойти Стефания Андреевна. Пошла она прямо в поле и когда ей отказали, не долго думая, отобрав вожжи столкнула одного из мужиков с телеги и погнала её к дому.

В больницу *В.С.* повёз, впрочем, уже отец. Здесь мальчику сразу же сделали операцию и зашили рану. В больнице он пролежал где-то дней 10.

Что запомнилось ему, так это манная каша, которую принесли Виктору на завтрак. Попробовав её на вкус, он решительно отказался однако её есть. «Что это такое, это не настоящая каша, настоящая каша – это бульбяная, т. е. картофельная». Дело в том, что до этого ни манной, ни какой другой каши, кроме картофельной, он никогда не видал. Мальчику пошли навстречу и на следующий день ему принесли картошку с мясом. Есть её впрочем Виктор тоже не стал, но зато её с большим удовольствием съел навестивший его и проделавший для этого нелёгкий 15-километровый путь пешком, его голодный отец.

Обратный путь из Браслава оказался для мальчика так же тяжёлым испытанием. Увидев, что сын устал, Степан Николаевич взял его в районе деревни Ахремовцы себе на плечи. Здесь между прочим произошёл весьма характерный для *В.С.* эпизод: увидев на обочине дороги рваную калошу, отец поднял её и осмотрев хотел взять с собой – авось пригодится в хозяйстве. Но тут раздался рассудительный голос сына: «папа не надо брать эту дрянь, зачем она тебе, мы не нищие». Это так поразило отца, что он тут же выбросил злосчастную калошу, а придя домой, рассказал о случившемся жене. «Вот какой разумный сын растёт у нас», – заявил он. И в дальнейшем *В.С.* поражал своих родителей и окружающих не характерной для его возраста рассудительностью.

В школу в соседней деревне Рудава *В.С.* пошёл 1 сентября 1954 г. Пошёл босым, так как у матери не было денег на детские туфли или сандали. Впрочем, справедливости ради, говорит *В.С.*, надо сказать, что не он один был такой, а добрая половина класса ходила в школу босая, и это никого особенно не волновало. Единственно, что требовали учителя, так это чтобы ноги были чистыми. А так как они, были понятное дело, грязными: ведь не по паркету шли дети в школу, а по просёлочной дороге, то перед тем как войти в школу, ноги обязательно приходилось мыть в луже. Но это только в том случае, если она была. Эта же картина повторилась и в следующем году. Туфлями *В.С.* обзавёлся где-то в классе 3 или 4. Когда же наступали осенние и зимние холода, то обувать Виктору приходилось материнские резиновые сапоги 38 размера, в качестве же верхней одежды, использовалась материнская фуфайка и отцовская шапка-ушанка. В таком вот виде и ходил *В.С.* в школу.

Поскольку в колхозе почти ничего не платили, а уйти из него было нельзя, не давали паспортов, то иначе как голодными детские годы *В.С.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.